

Натали Рош

Пособие по выживанию для дракона:

без крыльев,
без магии,
без паспорта

Натали Рош

Пособие по выживанию для дракона: без крыльев, без магии, без паспорта

<https://litres.ru/74300197>

SelfPub; 2026

Аннотация

Действие происходит в безымянном областном городе.

ОН — Найтхар, чёрный дракон, Хранитель Знаний, потерявший свой мир, и по совместительству Арман, мужчина без прошлого и без документов.

ОНА — Серафима, женщина, не испугавшаяся привести домой мужчину, который на её глазах превратился из пса в человека.

Он пытается понять, как выжить в мире, где правда — не абсолют, а предмет переговоров, магия работает только при определённых условиях, а ложь считается социальной нормой.

Противостоят ему не демоны и не маги, а законы физики, кофемашина, пылесос, острая пища и Тиберий — его бывший ученик, а ныне чёрный кот с характером Архимага, который мстит голубям и язвит с утра до вечера.

Его прошлое, её здравый смысл, говорящий кот, мир, который отказывается признавать магию, и, чувство, которое не вписывается ни в драконьи, ни в человеческие законы. Можно ли остаться Хранителем Истины там, где истина у каждого своя? И можно ли остаться в мире, где единственное, что тебя держит, — это человек?

Содержание

Глава 1. Катастрофа Смыслов	5
Глава 2. Пособие по выживанию: пункт первый	21
— документы	
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Натали Рош

**Пособие по выживанию
для дракона: без крыльев,
без магии, без паспорта**

Глава 1. Катастрофа Смыслов

Зал Суда пах подозрительностью и ложью. Это был терпкий и липкий запах, который проникал в каждую щель и заставлял брезгливо задерживать дыхание.

Найтхар стоял в центре Зала — там, где сходились лучи семи стихий и где три тысячи лет назад он произнёс свою первую клятву. Теперь мозаичный пол под его когтями пошёл трещинами, а в воздухе висел гул — низкий, утробный, как стон умирающего зверя.

Разлом открывался медленно.

Сначала это была просто точка — чёрная, абсолютная, лишённая всякого смысла. Потом точка разошлась, как зрачок в темноте, и из неё потянуло сквозняком. Не ветром — сквозняком. Будто кто-то открыл дверь в соседнюю комнату, где было темно, холодно и безнадёжно пусто.

— Учитель!

Найтхар не обернулся. Он знал этот голос. Тиберий Золотокрылый, его лучший ученик, стоял у входа в Зал. Крылья сложены, чешуя отлиывает медью в свете умирающих кристаллов. Молодой — всего тысяча двести лет. По драконьим меркам — едва оперившийся.

— Ты пришёл проститься? — спросил Найтхар.

— Я пришёл остановить тебя.

Теперь Найтхар обернулся.

Тиберий был один. За его спиной не было ни Совета, ни стражи, ни когорты магов. Только он сам — поджарый, напряжённый, с хвостом, хлещущим по мраморному полу.

— Остановить, — повторил Найтхар. — Чем? Силой? Ты был моим учеником, Тиберий. Я знаю всё, что ты умеешь. И знаю всё, чего ты не умеешь.

— Ты знаешь, чему ты меня учил, — поправил Тиберий.

— А есть вещи, которым я научился сам.

— Например?

— Например, чувствовать ложь. Даже твою.

В Зале повисла тишина. Кристаллы под потолком мигнули и погасли — один за другим, будто свечи на сквозняке. Разлом за спиной Найтхара расширялся — теперь это была уже не точка, а прореха размером с боевое крыло. Из неё тянуло отсутствием. Не тьмой — тьма это что-то. А там не было ничего.

— Ты прав, — сказал Найтхар. — Я солгал.

Тиберий ждал.

— Я сказал Совету, что иду запечатать Разлом ради спасения нашего мира. Я сказал, что Истина требует жертвы. Я сказал, что готов умереть за правду. — Найтхар говорил спокойно, почти лениво. — Но правда в том, Тиберий, что я устал.

— От чего?

— От всего. От продажных судов. От лживых клятв. От бесконечных споров о том, что есть истина. От драконов, которые называют чёрное белым и требуют, чтобы я, Хранитель Знаний, подтвердил это своей печатью. От того, что каждую тысячу лет происходит одно и то же: кто-то хитрый придумывает новую ложь, кто-то глупый в неё верит, и все бегут ко мне — рассуди, реши, скажи, кто прав. Я устал. Я хочу тишины.

— И для этого ты устроишь Разлом?

— Разлом устроил не я. — Найтхар качнул головой. — Его устроили они. — Он повёл крылом в сторону города. — Все, кто решил, что правда — это договорённость. Что клятву можно переписать. Что Истина у каждого своя. Ткань реальности не выдержала. Я просто... перестал её чинить.

Тиберий сделал шаг. Потом ещё один. Он подходил ближе, и Найтхар не останавливал его.

— Три тысячи лет, — сказал Тиберий. — Ты судил. Ты мирил. Ты карал. Ты прощал. Ты ни разу не ошибся. Ни разу, Найтхар. Я проверял. Я изучил все твои решения — все до единого. Они безупречны. И теперь ты хочешь уйти, оставив

нас без себя. Ты хочешь умереть не за Истину. Ты хочешь умереть, потому что устал быть Истиной. Это не жертва. Это дезертирство.

— Называй как хочешь.

— Я не дам тебе уйти.

Тиберий поднял голову и раскрыл крылья. Медные перепонки вспыхнули в последнем свете умирающих кристаллов. Он был вдвое меньше Найтхара, вдвое моложе и, по всем законам магии, вдвое слабее.

Но в его глазах горело то, чего Найтхар не видел уже тысячи лет. Вера.

— Заклинание Истины, — произнёс Тиберий. — Ты уже начал его, я чувствую. Оно требует абсолютной честности. Но ты солгал — себе, Совету, всему миру. Ты не хочешь никого спасать. Ты хочешь уйти. И поэтому заклинание не работает.

— И поэтому Разлом поглотит меня, — сказал Найтхар. — Только меня. Не весь мир. Я рассчитал.

— Ты рассчитал неправильно.

— Я никогда не ошибался.

— Ты никогда не лгал. А теперь солгал. Ты не знаешь, что будет.

Найтхар смотрел на своего ученика. Когда-то он сам учил Тиберия не принимать ничего на веру. Подвергать сомнению. Искать изъяны в логике. И вот теперь его собственный ученик нашёл изъян в нём самом.

— Уйди, Тиберий, — сказал он. — Это мой выбор.

— А это — мой.

И Тиберий ударил.

Это не было боевое заклинание.

Позже Найтхар понял: Тиберий не пытался убить его. Не пытался даже ранить. Это был кинжал Раздора — тонкая, почти хирургическая магия, которую использовали, чтобы разорвать чужие чары изнутри. Тиберий ударил не в Найтхара. Он ударил в его заклинание.

Печать Истины, которую Найтхар создавал последние часы, дрогнула. На секунду она стала видимой — огромная, золотая, состоящая из тысяч символов, каждый из которых был нерушимой клятвой. Тиберий попал точно в центр. Туда, где билось сердце заклинания. Туда, где пряталась ложь.

— Ты что наделал?! — голос Найтхара потонул в гуле дрожащего Зала.

Разлом перестал быть прорехой. Он стал дверью.

Найтхар почувствовал, как реальность сворачивается вокруг него. Стихии смешались. Гравитация исчезла. Время потекло одновременно вперёд и назад — он видел Тиберия, который падал в Разлом, и видел себя, стоящего в Зале, и видел себя молодого, приносящего первую клятву, и видел мир, которого ещё не было, и мир, которого уже не будет.

— Держись! — крикнул Тиберий, хотя кричать было бессмысленно — звук не распространялся в складке между реальностями.

Найтхар попытался развернуть крылья. Поздно. Воронка затягивала их обоих — учителя и ученика, судью и того, кто не дал ему уйти красиво.

— Ты идиот, — последнее, что подумал Найтхар. — Ты безнадежный, самонадеянный идиот.

— Я знаю, — мысленно ответил Тиберий. — Ты сам меня таким воспитал.

Разлом схлопнулся.

Наступила тишина. Не та, которую обещал себе Найтхар, — вечная, покойная, освобождающая. А другая. Холодная. Чужая. Пахнувшая мокрой землёй и чем-то железным.

Очнулся он в неправильном теле.

Первое, что он почувствовал, — холод. В его мире драконы не мёрзли — у них была чешуя, кровь с примесью стихийной магии, тепло ядра в груди. Здесь было иначе. Тонкая кожа, полное отсутствие чешуи, и этот ветер — сырой, пронизывающий, пахнувший прелыми листьями.

Второе — запахи. Их было слишком много. Он попытался разобрать их по отдельности: мокрая земля, да. Железо, да — где-то рядом. Ещё что-то едкое, химическое. Он не знал этих запахов и не знал таких слов. И — скипидар. Резкий, почти болезненный, но почему-то приятный.

Третье — тело. Он попытался встать и не смог. Четыре лапы — это неправильно. Слишком низко к земле. Хвост есть, но какой-то... неудобный. Он повернул голову и увидел чёрную шерсть. Пёс. Он стал псом. Это была первая форма, ко-

торуую смогло удержать его угасающее сознание, — простая, близкая к земле, инстинктивная. Хорошая форма. Но уни- зительная.

Он заставил себя подняться. Лапы дрожали. Вдалеке горел жёлтым одинокий фонарь. Парк? Лес? Он не понимал.

А потом пришла она.

Шаги — быстрые, сбивчивые. Каблуки стучат по плитке. Запах скипидара усилился. Он поднял голову — и увидел женщину. Она бежала по дорожке, кутаясь в пальто, и что- то бормотала себе под нос. Замёрзшая. Уставшая. Живая.

Она заметила его и замедлила шаг.

— Хорошая собачка, — сказала она. — Хорошая...

Он моргнул. Собачка? Он, Найтхар, Хранитель Знаний, Исполнитель Закона, Чёрное Крыло Суда — собачка?!

И в этот момент что-то внутри него щёлкнуло. Не ма- гия — магии почти не осталось. Что-то другое. Злость. Или гордость. Или инстинкт, более древний, чем все заклинания вместе взятые. Он не будет псом. Он — дракон. И если это- му миру нужен дракон, он его получит.

Превращение было мучительным.

Кости перестраивались с хрустом. Кожа горела. Мышцы рвались и срастались заново. Он закричал бы, но голосовые связки ещё не сформировались. Это длилось вечность. Или секунду — здесь время тоже текло неправильно.

Когда всё закончилось, он сидел на мокром асфальте, при- слонившись спиной к фонарному столбу. Голый. Замёрз-

ший. С руками — пять пальцев на каждой. С ногами — две штуки. С головой, в которой помещалось три тысячи лет воспоминаний и ни одной полезной мысли о том, что делать дальше.

Женщина стояла в трёх шагах от него. Невысокая, рыже-волосая. Глаза широко раскрыты. Рот приоткрыт. Но — что странно — не кричит. Просто смотрит.

— Вы... — она запнулась. — Вы были собакой?

— Нет, — сказал он. Голос был низкий, чужой, без резонанса. — Я был ошибкой трансформации. Первый раз в человеческом теле. Сложная морфология. Я отвлёкся на запахи.

— На запахи?

— Здесь пахнет мокрой землёй. И ещё чем-то. Железом. И... — он принюхался. — Ты пахнешь скипидаром. Это приятно.

Она не убежала. Она сняла пальто.

— Наденьте. Здесь полиция бывает.

Он взял пальто и приложил к плечу, как плащ.

— Нет. В рукава. Руки сюда. Вот так.

Он подчинился. Пальто затрещало по швам и не застёгивалось, но было тёплое. От него пахло скипидаром — ею. И чем-то ещё. Чем-то, чему он пока не знал названия.

— Благодарю, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Я — Найтхар, Хранитель Знаний, Судья Истины. Ты спасла меня от... как ты сказала? Полиция? И от холода. Как твоё

имя?

— Сима, — сказала она. — Серафима. Но лучше Сима. Серафима. Пылающая. Он выдохнул. Из рта вырвалось облачко пара.

— Серафима, — повторил он. — Это очень правильное имя.

— Вы странный.

— Я знаю. Я дракон.

Она рассмеялась. Он — нет.

Где-то вдалеке завывла сирена.

Сима привела Найтхара к себе, совершенно не понимая, чего от него ждать. Но верила, что всё само собой разрешится. «Просто на улице ноябрь, он босиком и в одном пальто. Вызову психбригаду утром. Или полицию. Или просто проснусь».

Найтхар проснулся первым. Точнее он почти не спал. После душа и горячего чая, завёрнутый в простынь, как в тогу, он на какое-то время забывался тревожным сном, сидя в кресле. Но чуждое ему тело дёргалось во сне, ему казалось, что он снова и снова летит в Разлом.

Рассвет был неправильный.

В его мире солнце всходило из-за Зубчатых гор, и свет был слоистый — сначала золотой, потом алый, потом янтарный, как смола. Здесь свет был плоский. Будто кто-то просто включил лампу.

Сима нашла ему старый спортивный костюм, который был

ему мал в плечах и короток. От костюма пахло стиральным порошком и чем-то ещё — нафталином, кажется. В его мире нафталин использовали для отпугивания низших духов. Здесь — для отпугивания моли. Удивительно, как разные цивилизации приходят к одним и тем же решениям, исходя из совершенно разных предпосылок.

Он оделся и стоял у окна, наблюдая за чужим миром.

— Ты так и будешь стоять? — спросила Сима. Она сидела на кухне, обхватив чашку с чаем, и смотрела на него с опаской. — Или расскажешь всё-таки, откуда ты?

— Я рассказал, — ответил Найтхар, не оборачиваясь. — Ты не поверила.

— Ты сказал, что ты дракон.

— Да.

— Драконов не существует.

— Здесь — возможно. Там — они существовали всегда. — Он повернулся. — Ты хочешь доказательств. Я понимаю. Я бы тоже хотел.

— Ну, так докажи.

— Я не могу. Магия этого мира работает иначе. Мне нужен свидетель, который поверит. Или жертва. Или... я пока не разобрался.

Сима вздохнула.

— Ладно. Допустим. Ты дракон. Что ты делал в парке?

— Умирал, — просто сказал Найтхар. — Переход через Разлом выжег почти всё. Я принял первую форму, которую

смог удержать.

— Пса?

— Да. Псы — хорошая форма. Простая. Близкая к земле. Много обоняния.

— Почему ты превратился в человека?

Найтхар помолчал.

— Потому что ты посмотрела на меня, — сказал он наконец. — И сказала «хорошая собачка». Никто никогда не называл меня хорошим. Даже когда я был прав. Особенно когда я был прав.

Сима не нашлась, что ответить. Отвернувшись к плите, сделала вид, что поправляет чайник. За окном что-то мелькнуло.

Найтхар замер.

— Прости, — сказал он. — Мне нужно выйти.

— Куда? Ты даже не знаешь...

Но он уже открыл дверь.

Кот очнулся в переулке. Пахло рыбой. Это было первое, что он осознал. Рыба, гнилые овощи и что-то химическое. Потом пришло осознание тела. Четыре лапы. Хвост. Усы. О, Боги!

Он попытался закричать — получилось мяуканье. Попытался развернуть крылья — лопатки даже не дёрнулись. Попытался призвать магию — в воздухе мелькнула искра и погасла.

Тиберий Золотокрылый, Архимаг Пятого Круга, ученик,

спаситель и разрушитель — стал котом. Он сел и завыл.

Это был долгий, тоскливый, совершенно кошачий вой, полный ярости, обиды и экзистенциального ужаса. Из окна наверху высунулась старуха и плеснула в него водой.

— Брысь, окаянный!

Тиберий замолчал. Вода стекала по усам. Унижение было полным.

Он просидел в переулке до рассвета. А когда солнце встало — плоское, тусклое, чужое, — он встал и пошёл. Куда — он не знал. Коты в этом мире, кажется, просто шли куда глаза глядят. За парком он нашёл мусорный бак. Бак был тёплый и относительно сухой. Рядом жили голуби — тупые, но съедобные. Теоретически.

Он как раз обдумывал план мести голубям, когда дверь открылась, и во двор вышел человек в нелепом спортивном костюме. С осанкой, которая не могла принадлежать человеку.

Тиберий замер. Он сидел на помойном баке, как на троне. Чёрный, без единого белого пятна, с жёлтыми глазами, в которых плавал древний, некошачий ум.

— Тиберий, — произнёс Арман.

Кот склонил голову.

— Найтхар, — ответил он. Голос был низкий, с металлическим отзвуком, совершенно невозможный для существа весом в четыре килограмма. — Ты всё-таки выжил.

— Ты предал Круг.

— Я спас реальность от твоего идиотского заклинания. И, как видишь, поплатился за это. Ты хотя бы человек. У тебя есть руки. А у меня — хвост. Ты знаешь, как сложно колдовать с хвостом?

— Ты не можешь колдовать.

— Я пытался. — В жёлтых глазах мелькнула тень. — Вчера чуть не сжёг мусорный бак. Знаешь, что сделали люди? Позвали кошачьего экзорциста. Найтхар, это мир, в котором существуют кошачьи экзорцисты.

— Ты ударил мне в спину, Тиберий. Ты вонзил заклинание Раздора в мой щит в тот самый момент, когда я запечатывал Разлом. Если бы не ты — я бы закрыл его и погиб с честью. В любом случае — я бы не оказался здесь.

— Если бы не я, — кот посмотрел ему прямо в глаза, — Разлом поглотил бы не только тебя. Он поглотил бы весь мир. Твоё заклинание не было безупречно, учитель. В этом и была проблема. Оно требовало абсолютной истины. А ты солгал.

Найтхар молчал.

— Ты сказал, что идёшь на смерть ради Истины, — продолжал кот. — Но ты шёл на смерть, потому что устал. Три тысячи лет судить. Три тысячи лет быть правым. Три тысячи лет в одиночестве. Ты хотел уйти красиво — и погубил бы всех. Я почувствовал ложь в твоём заклинании и ударил. Это сместило вектор. Разлом выбросил нас сюда, а наш мир...

Кот отвернулся.

— Я не знаю, что с ним. Я пытаюсь почувствовать его.
Тишина.

Найтхар опустил голову.

— Зачем ты вообще пришёл? — спросил кот. — Хочешь добить меня?

— Хочу объединиться.

Кот фыркнул.

— Объединиться. С предателем?

— Ты не предатель. — Найтхар поднял голову. — Ты был прав. Я... я действительно хотел уйти. Я устал. Ты спас мир. Возможно.

Впервые за весь разговор в жёлтых глазах что-то дрогнуло.

— Я спас мир, — повторил кот медленно. — И стал котом. Какая ирония.

— Какая? — не понял Найтхар.

— Коты — единственные существа в этом мире, которые не подчиняются никому и ничему. Они не признают законов. Они игнорируют приказы. Они спят где хотят. Я, Тиберий Золотокрылый, Архимаг Пятого Круга, Хранитель Порядка — стал символом хаоса.

Из-за угла послышался шорох. Найтхар обернулся. Сима стояла, кутаясь в халат, и смотрела на него. На него и на кота.

— Арман, — сказала она очень спокойно. — Ты разговариваешь с котом.

— Да, разговариваю, — ответил Найтхар. — Как ты меня

назвала?

— Прости, я забыла твоё имя. Арман?

— Да. Пусть будет Арман. Мне нравится.

— А ты считаешь, что говорить с котом нормально?

Тиберий поднялся, выгнул спину и посмотрел на Симу с выражением оскорблённого достоинства.

— Женщина, — произнёс он ледяным тоном. — Я не «кот». Я Архимаг Пятого Круга. А кот — это моя временная форма. И да, это не нормально. Но это факт. Примите его.

Сима перевела взгляд с кота на Найтхара. С Найтхара на кота. Потом сказала:

— Архимаг просит есть, пошли домой, у меня есть тунец.

Тиберий моргнул. Предложение было неожиданно соблазнительным.

— Я видела, как ты вчера орал на голубей. И спал на крыльце. Я думала — просто бездомный кот. А ты, значит, Архимаг.

— Я не орал, — сказал Тиберий грустно. — Я проводил дипломатические переговоры. Голуби — тупицы.

— Ага. — Сима скрестила руки. — Ладно. Заходите оба. У меня банка тунца есть. Но учтите, Архимаг, — она ткнула пальцем в кота, — лоток сами будете выбирать. Я в этом не участвую.

Тиберий прыгнул с бака и с достоинством прошествовал к двери. У порога обернулся:

— Мне нравится эта женщина, Найтхар. У неё есть харак-

тер. И тунец.

Найтхар шёл следом.

— Арман, — сказал он.

— Что?

— Здесь меня будут звать Арман. Привыкай.

Так в квартире Симы поселились двое. Один — дракон-судья, который учился быть человеком. Второй — дракон-маг в теле кота, который учился прощать себя. Оба понятия не имели, как вернуться домой. Оба не знали, жив ли их мир. Оба не знали, что делать дальше.

Глава 2. Пособие по выживанию: пункт первый — документы

На третий день Сима сказала:

— Так больше нельзя.

Арман сидел на подоконнике и смотрел на дождь. За три дня он выучил расположение комнат, назначение кранов и выключателей, а также несколько человеческих слов, которые показались ему важными: «здравствуйте», «спасибо», «извините», «налоговая» и «почему так дорого». Последнее он слышал от Симы чаще всего. Ещё он выучил слово «бюрократия» и долго не мог поверить, что это не боевое заклинание.

— Что именно нельзя? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ты сидишь на подоконнике третьи сутки. У тебя нет документов. Ты не можешь просто... существовать. Люди так не живут.

— Я не люди.

— Арман.

Он повернулся. Сима стояла в дверях кухни, скрестив руки. Вид у неё был решительный — тот самый, который появлялся, когда она собиралась делать ремонт, спорить с управляющей компанией или вытаскивать незнакомых мужчин из парка.

— Мне нужен паспорт, — сказал он. — Я понял это из телевизора. Там говорили про выборы, полицию и документы. Без паспорта меня не выберут, не поймают и не примут на работу. Это расстраивает.

— Паспорт не печатают на принтере.

— Я знаю. Я видел принтер. Он пахнет горелым пластиком и не способен ни на что великое. Я сделаю иначе.

— Как?

— Магия.

Сима вздохнула. За три дня она привыкла к его странностям, но слово «магия» всё ещё вызывало у неё желание проверить, не забыла ли она запереть аптечку.

— Ты говорил, магия здесь не работает.

— Работает. Но иначе. Мне нужен свидетель. Тот, кто поверит. Искренне. Без сомнений. Хотя бы на секунду.

Он замолчал. Сима тоже молчала, и в этом молчании было всё: три дня его присутствия в её квартире, его неправильная осанка, его манера смотреть на вещи так, будто он видит их впервые, его голос — низкий, с резонансом, которого не должно быть в человеческой груди.

— Я пыталась, — сказала она наконец. — Честно пыталась поверить, что ты дракон. Но Арман... это слишком. Ты сидишь в моём спортивном костюме, ешь гречку и называешь микроволновку «коробкой гнева». Ты очень странный человек, но человек. Извини.

— Не извиняйся, — произнёс он спокойно. — Ты права.

Я уже не дракон. Я пока — ошибка трансформации. Но человеком я тоже пока не стал. Я где-то между.

С батареи донёсся вздох. Тиберий лежал, свернувшись клубком, и делал вид, что спит. Но уши двигались — отдельно, независимо друг от друга, как два радара, настроенных на разные частоты.

— Тогда пусть она поверит не в дракона, — произнёс кот, не открывая глаз. — Пусть поверит в человека.

Сима моргнула.

— Что?

Тиберий зевнул. Это был долгий, демонстративный зев, обнажающий клыки и розовое нёбо.

— Ты веришь, что он человек? — спросил кот.

— Ну... да. Он сидит передо мной. Ест. Дышит. Спрашивает глупости. Человек.

— Тогда пусть колдует от имени человека. Не дракона. Просто мужчины, который потерял документы и очень убедительно просит выдать новые. Пусть заклинание будет не «сотвори паспорт из пустоты», а «убеди чиновника, что паспорт уже существует». Это проще. Меньше энергии. Меньше дыр в реальности.

Арман и Сима переглянулись.

— Это может сработать, — сказал Арман.

— Подожди. — Сима выставила ладонь. — Ты хочешь сказать, что пойдёшь в паспортный стол и... заколдуешь сотрудницу?

— Не заколдую. Убежду. Убедю! Заколдовать — значит навязать волю. Убедить — значит помочь увидеть истину.

— Истина в том, что у тебя нет паспорта.

— Истина в том, что я существую, — сказал Арман. — Я есть. Я стою перед ней. У меня есть имя, лицо и потребность в документе. Всё остальное — формальности. А формальности — это не истина. Это договорённость. Я знаю толк в договорённостях.

Тиберий фыркнул.

— Три тысячи лет судейства не прошли даром.

— Заткнись, Тиберий.

— Молчу. Но хочу напомнить: если колдовать будешь через неё, — кот мотнул головой в сторону Симы, — платить будешь ты. Принцип Жертвы. Нарушение физических законов. Цена. Помнишь?

— Помню.

— Что за цена? — насторожилась Сима.

— Мелочи, — сказал Арман. — Головная боль. Голод. Возможно, временная потеря голоса.

— Голоса?!

— Я готов заплатить. — Он поднялся с подоконника. — Ты готова быть моим свидетелем?

Сима смотрела на него. На его босые ноги. На спортивный костюм. На глаза, в которых — она теперь видела это отчётливо — плескалась бездна. Три тысячи лет бездны.

— Что я должна делать? — спросила она.

— Просто быть рядом. И верить. Не в дракона. В меня. В то, что я имею право здесь быть. Что я — не ошибка. Что я — человек. Хотя бы на несколько минут.

Сима кивнула.

— На несколько минут я согласна. Но если тебя заберут в полицию, я скажу, что вижу тебя впервые.

— Справедливо, — сказал Арман.

— И если ты потеряешь голос, не жалуйся. Сам выбрал.

— Я не жалуюсь. Я констатирую.

Тиберий прыгнул с батареи и прошествовал к миске.

— Идите, — сказал он. — Я останусь. Буду охранять квартиру от голубей.

— Здесь нет голубей, — сказала Сима.

— Пока нет. — Кот сел и обернул хвост вокруг лап. — Но они всегда рядом. Ждут. Планируют.

Сима решила не уточнять.

Паспортный стол встретил их запахом сырой одежды, старого линолеума и отчаяния. Именно так пахла бюрократия — Арман понял это сразу, с первых шагов. В его мире бюрократии не было. Там были клятвы, печати и свитки, но всё это пахло воском и магией. А здесь пахло так, будто кто-то медленно, годами, варил в этом помещении человеческую надежду, пока она не выкипела до дна.

— Талончик, — сказала женщина на входе.

— Что?

— Талончик. В терминале. Без талончика не примут.

Арман посмотрел на терминал. Это был пластиковый ящик с кнопками, мигающий зелёным огоньком. Он напоминал алтарь, только без торжественности. И без магии. И без смысла.

— Что мне делать? — спросил он Симу одними губами.

— Нажать кнопку.

— Какую?

Она нажала за него. Терминал зажужжал и выплюнул бумажку с номером. Электронная очередь: А-47.

— Какой ужас, — прошептал Арман. — Здесь превратили ожидание в ритуал.

— Добро пожаловать в цивилизацию, — сказала Сима.

Они сели на жёсткие стулья. Очередь ползла медленно. Арман смотрел на людей вокруг и пытался понять, почему они такие... смирные. В его мире очередь к Судье была шумной, там спорили, кричали, выпускали когти и дышали огнём. Тут люди сидели тихо, уткнувшись в светящиеся прямоугольники под потолком, и ждали. Только ждали.

— Это страшно, — сказал он.

— Что именно?

— Они не борются. Они просто... ждут. Как будто это нормально.

— Это и есть нормально.

— В моём мире это называется комой.

— В нашем — понедельник.

Подошла их очередь. Окошко номер три. За стеклом си-

дела женщина с пучком на голове. Пучок напоминал гнездо мелкого хищника — тугой, аккуратный, оборонительный.

— Здравствуйте. Слушаю вас.

Арман выпрямился. Сима почувствовала, как воздух вокруг него стал плотнее. Не магия. Просто он перестал сутулиться, перестал прятать себя в спортивный костюм, перестал притворяться обычным человеком. Он не стал драконом — до этого было далеко. Но он стал тем, кем был: Найтхаром, Хранителем Знаний, существом, которое три тысячи лет смотрело в глаза истине и не моргало.

— Я потерял документы, — сказал он. Голос звучал иначе — глубже, спокойнее, с резонансом. — Мне нужно их восстановить.

Женщина с пучком подняла глаза. Что-то в его голосе заставило её оторваться от монитора.

— Когда и где потеряны?

— В ноябре. В парке. Была собака. Потом женщина. Пальто.

Сима зажмурилась. Это был конец. Сейчас их выгонят. Или вызовут охрану. Или хуже — психбригаду, которую она планировала вызвать в первый вечер, но так и не вызвала.

Но женщина с пучком не шевелилась. Она смотрела на Армана, и в её глазах происходило то, что Сима чувствовала в парке: попытка мозга совместить несовместимое, поверить в невозможное, принять реальность, которая на секунду стала шире.

Сима взяла Армана за руку. Она не планировала. Просто так вышло.

— Да, — сказала она. — Мы вместе были в парке. Сумку украли. Там были все документы. Паспорт, СНИЛС, ИНН.

Женщина с пучком моргнула. Моргнула ещё раз. Потом кивнула — медленно, как во сне.

— Сумку украли, — повторила она. — Понимаю. Заполните заявление о выдаче паспорта взамен утраченного.

Она протянула бланк. Арман взял его. Его рука не дрожала, но Сима чувствовала, как от него идёт тепло — сухое, почти электрическое, как от нагретого солнцем камня.

— Благодарю, — сказал он. — Вы очень любезны. Ваш пучок... он напоминает гнездо синей пичуги из Золотых Садов.

Женщина поправила пучок и, кажется, покраснела.

Когда они вышли на улицу, Арман пошатнулся и схватился за фонарный столб.

— Арман!

Он открыл рот. Из горла вырвался только хрип. Он попытался сказать «я в порядке» — получилось сдавленное шипение, какое издаёт проколота шина.

— Голос?

Он кивнул. Сима взяла его под руку.

— Надолго?

Он показал три пальца.

— Три дня?!

Кивок. Потом жест — покачал ладонь горизонтально. Примерно. Может, больше. Может, меньше. Посмотрим.

— В следующий раз, — сказала Сима, — будем колдовать на кота.

Арман улыбнулся. Без голоса. Без магии. Просто улыбнулся — и это было так неожиданно, так по-человечески, что Сима на секунду забыла, с кем имеет дело.

Дома их встретил Тиберий.

— Ну что? — спросил кот, не вставая с батареи. — Чиновница уверовала в истину?

Арман открыл рот, произвёл несколько сиплых звуков и закрыл.

— Потерял голос? — Тиберий зевнул. — Отлично. Наконец-то тишина. Цени момент, Серафима. Это лучшее, что случалось с этой квартирой с тех пор, как я здесь поселился.

Арман показал коту неприличный жест. Тиберий моргнул.

— Ты ему уже и это показала? — спросил кот у Симы. — Быстро учится. Скоро начнёт материться и требовать скидку.

— А ты скоро начнёшь мышей ловить, — сказала Сима.

— Я Архимаг, — произнёс Тиберий с достоинством. — Мышей пусть ловят те, у кого нет диплома.

Арман достал телефон (Сима отдала старый) и написал в записках. Протянул Симе. На экране: «Я почувствовал. Ты поверила в меня. Не в дракона. В меня».

Сима прочитала. Потом подняла глаза.

— Ты держал меня за руку и говорил про собаку и пальто. Конечно, я поверила. Ты был очень убедителен.

Арман улыбнулся и начал печатать снова: «Спасибо. Ты первая. За три тысячи лет — первая».

Сима не нашлась что сказать. Тиберий — нашёлся:

— Меня тошнит от вашей патоки. Я пойду на кухню. Там, кажется, остался тунец. Если тунца нет — я прокляну этот дом.

— Ты не можешь колдовать, — напомнила Сима.

— Я могу обидеться. Это тоже разрушительная сила.

Кот прыгнул с батареи и удалился на кухню.

Арман смотрел ему вслед и думал о том, что три тысячи лет быть Судьёй — ничто по сравнению с тремя днями в мире, где кот имеет право голоса, а бюрократия требует больше жертв, чем боевая магия. Но он был благодарен. И — да, он был счастлив. Впервые за долгое время. Даже без голоса. Даже в тесном спортивном костюме. Даже в мире, где правда — всего лишь договорённость. Потому что здесь была она. Серафима. Пылающая. Та, которая поверила. И кот. Куда же без кота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.